

УДК 821.112.2.09 «19/20»

**ПРИРОДА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
В ПОВЕСТИ К. ВОЛЬФ «АВАРИЯ»****Н.А. РЫМАРЧУК****(Белорусский государственный университет, Минск)**

Исследована роль интертекстуальности в одном из произведений современной немецкой писательницы К. Вольф, хорошо известной читателям постсоветского пространства. Повесть «Störfall. Nachrichten eines Tages» («Авария. Хроника одного дня», 1987) представляет особый интерес для белорусов, так как написана под впечатлением от Чернобыльской катастрофы, буквально по горячим следам этой трагедии. Главная героиня повести – немецкая писательница, размышляющая над последствиями технических преобразований окружающего мира, над ролью и местом в нем человека. Речь идет не только о Чернобыле, но и о других катастрофических прасобытиях и событиях, которые пришлось пережить человечеству на протяжении своей истории ввиду собственной безответственности и безрассудства. Среди этих событий – и Вавилонское столпотворение, и вторая мировая война, и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Подчеркнем, что сознание главной героини действительно можно назвать цитатным, так как в мыслях она то и дело обращается к широко известным историческим фактам, мифам, сказкам, народным песням, в памяти то и дело оживают «фрагменты» из авторских произведений писателей-предшественников.

Введение. Для того чтобы познать любой текст, нужно обратиться к тому, кто его порождает, а именно к самому человеку, который в свою очередь является говорящей, пишущей, мыслящей личностью. Среда функционирования текста, как известно, – человеческое общество. Сегодня оно отличается образованностью, развитием средств массовой коммуникации и культуры, что обусловило изменения в понимании филологами самого понятия «связности» текста. На современном этапе оно выходит за рамки отношений структурных элементов единичного текста и представляет текст как часть общего информационного пространства. Текст перестает быть автономным образованием, он строится из предыдущих текстов в процессе постоянной их переработки. Следовательно, различные коммуникативные системы производят и передают свои тексты, которые, соприкасясь и реинтерпретируясь, порождают новые. Текст в результате, по мнению исследователя Н.А. Крашенинковой, «должен как бы выйти за свои собственные пределы, рассыпаться и собраться вновь» [1, с. 109].

Соответственно, в современных исследованиях большую популярность приобрела теория интертекстуальности. Интертекстуальность – термин, введенный в 1967 году теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой для обозначения «общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [2]. Отметим, что данное явление, ставшее одним из основополагающих феноменов современной культуры, не обошло стороной и художественную литературу, в связи с которой оно рассматривается как своеобразный и по-своему уникальный художественный прием, используемый авторами не только в качестве экспрессивно-выразительного средства, но и с целью направить сознание читателя к богатству предшествовавшего культурно-исторического опыта. Таким образом, «авторский текст включается в сложную систему ассоциаций и сопоставлений, а синтез различных источников позволяет осуществить выход за пределы одного текста» [3, с. 290].

Творчество Кристи Вольф (Christa Wolf, 1929 – 2011) органично вплетается в современную литературную традицию, поскольку принципиальная эклектичность и цитирование являются неотъемлемыми чертами ее зрелых и поздних произведений. Среди них и повесть «Авария. Хроника одного дня» («Störfall. Nachrichten eines Tages», 1987), переносящая нас в недавнее прошлое, ставшее роковым для всей планеты, но в первую очередь для нас, белорусов: в произведении речь идет о Чернобыльской трагедии. Эта техногенная катастрофа, представляющая стержневую тему повести, влечет за собой ряд философских вопросов о добре и зле, правде и лжи, жизни и смерти, ответственности и безответственности. Сопоставляя события сегодняшнего дня с библейскими «прасобытиями», сказочными сюжетами, постоянно апеллируя к произведениям других авторов, К. Вольф снова и снова совершает попытку отыскать причины возникновения этой трагедии в глубинах самой человеческой природы, решить сложные нравственные проблемы, показать, что экологическая авария таких масштабов могла превратиться в Апокалипсис, в Конец Света для всего населения Земли.

Основная часть. Отметим, что термин «цитата» используется в нашем исследовании в понимании российского литературоведа Э.Я. Фесенко как родовое понятие, включающее собственно цитату, аллю-

зию и реминисценцию. Так, собственно цитата – это «точное воспроизведение какого-либо фрагмента чужого текста» [4, с. 30]; аллюзия – «намек на историческое событие, бытовой и литературный факт, предположительно известный читателю» [4, с. 30]; реминисценция – «цитата-намек, цитата-“осколок”» [4, с. 30], «невольное или намеренно неточное воспроизведение «чужого слова», которое наводит на воспоминание о другом произведении» [4, с. 31]. При этом мы вполне отдаем себе отчет в отсутствии четкой дифференциации весьма многих, если не большинства, литературоведческих терминов, включая и понятия «цитата», «аллюзия», «реминисценция».

Подчеркнем, что на интертекстуальность повести «Авария» обратили особое внимание и немецкие литературоведы Томас Фокс и Ева Кауфман. В одной из своих статей Е. Кауфман отмечает: «Из этого широчайшего пласта эстетически сформированных элементов текста, дополненного абстрактными прозаическими рассуждениями, исходит особенная чувственная прелесть» [5, с. 258]. Наша работа в определенной степени дополняет исследования немецких ученых.

Красной нитью сквозь все произведение проходит сюжет сказки братьев Grimm «Братец и сестрица». Подчеркнем, что в центре самой повести – некая немецкая писательница, мысли которой омрачены сразу двумя печальными происшествиями: аварией на некоем атомном реакторе и операцией на головном мозге родного брата, являющегося, что примечательно, ученым-ядерщиком. В эпизоде, где главная героиня размышляет о причинах заболевания своего брата и о случае на АЭС, звучат следующие ее слова: «Ты прямо-таки помешался от жажды и так долго просил хоть глоток воды, что я, рыдая и причитая, разрешила тебе напиться из последнего ручья. Это был кран в нашей кухне, и вот ты, как нам и грозили, превращаешься в косулёнка...» [6, с. 42]. Героиня повести, подобно сестрице из сказки, как будто горько упрекает своего брата, заболевшего в результате неосторожности и необдуманности своего поведения. Суггестивно преподнесенный здесь смысл заключается в том, что ученый в современном мире не имеет права на ошибку, к которой его могут привести неудержимое желание как можно быстрее реализовать некий эксперимент, сулящий сомнительное благополучие. Результатом безответственной «игры» с техническими изобретениями может стать страшное событие, каковым и явился взрыв в Чернобыле. А ведь современные ученые-эксперты едва ли задумываются над своей ответственностью, утверждает автор уже в другом эпизоде, намеренно встраивая в рассуждения главной героини реплику из гётевского Фауста: «они, не испытывая ни малейшего благоговения перед тем, что составляет “всю мира внутреннюю связь”, не только познают ее, но и хотят использовать познанное» [6, с. 22 – 23]. Соответственно, в «Аварии» К. Вольф акцентирует то, что ученые должны быть в первую очередь духовными людьми. Им необходимо полюбить не только объект своего изобретения и посвятить себя научным идеям, но и трепетно относиться к окружающему миру, в первую очередь ценить тех, для кого они трудятся; иначе говоря, ученый не может быть слепым рабом технического прогресса, его деятельность не должна заменять ему простых человеческих взаимоотношений.

Так, главной героине попадает в руки журнал, где она находит статью под названием «Ученые, разрабатывающие идею звездных войн “Star Wars”»; читая статью она пытается нарисовать картину жизни этих ученых: «...это были люди, живущие где-то, в полной изоляции, без женщин, без детей, без друзей... Все, что им очевидно требовалось, это мнимая привязанность, которая поглощала бы все их чувства. И, пожалуйста, нет проблем, no problem. А то зачем же существуют компьютеры» [6, с. 37 – 38]. Позднее главная героиня (прототипом которой является сама К. Вольф) размышляет над поступками создателя этой статьи: «Петер – бегун, пловец, играет на рояле и флейте, любит французскую литературу...» [6, с. 38]. Вроде бы обыкновенный человек, не лишенный чувства прекрасного, но далее мы читаем: «Его цель – получить Нобелевскую премию за создание рентгеновского лазера для решения научных задач...» [6, с. 38]. Писательница называет Петера Фаустом, «который хочет получить не знания, а славу» [6, с. 39]. Но кому же продал душу этот Фауст? Получается, – жажде престижа... Фамилия Петера – Хагельштейн – представляет собой реминисценцию фамилии главного героя одного из известнейших романов Мэри Шелли (о чем имеется замечание повествователя в самом произведении). Как известно, в романе М. Шелли Франкенштейн – молодой ученый, искусственно создавший человека, что обернулось трагическими последствиями, так как человек этот оказался настоящим монстром. Отсюда следует неоспоримый вывод, что любому ученому трудно отказаться от интересных, пускай даже опасных изобретений, и жизнь людей сегодня обесценивается в сравнении с «жизнью открытия»; необходимо помнить и осознавать, насколько это антигуманно.

Следует подчеркнуть, что, по мнению писательницы, в аварии на атомном реакторе не стоит обвинять только ученых, ссылаясь на «темные» стороны преимущественно их натуры. Она обращает внимание на виновность и политиков, и самого народа. Так, в одном из эпизодов мы встречаем собственно цитату из Библии: «Разве я сторож брату моему?» [6, с. 33], дополненную раздумьями главной героини: «Это было бы что-то новое. И в случае, если ответ гласил бы “Да”, достаточно ошеломительное» [6, с. 33]. «Связь между убийством и изобретательством не оставляет нас со времени зарождения земледелия, чи-

таю я, Каин, земледелец и изобретатель? Основатель цивилизации?» [6, с. 37] – находим далее. Это аллюзия на один из известнейших библейских сюжетов о Каине и Авеле. При этом Каин был земледельцем и человеком, построившим первый город, об этом пишет, например, Д. Щедровицкий в своей книге «Введение в Ветхий Завет». Не случайно и то, что имя старшего брата в переводе с древнееврейского обозначает «создавать». Город, в свою очередь, – своеобразный признак, символ цивилизации. Каин-изгнанник возводит его, чтобы еще больше отделиться, обособиться от остальных. Это первый пример взаимного отчуждения людей, порожденного враждебностью и страхом по отношению друг к другу. Таким образом, в повести опять-таки суггестивно с сожалением констатируется факт, что в современном мире продолжает господствовать разобщенность, человечество не ощущает себя единым целым. Как ни трагично, но библейский тезис «все люди братья» нами обычно не воспринимается всерьез. Люди забывают, что нехватка взаимопонимания и взаимоуважения в человеческом сообществе и есть едва ли не основная причина возникновения таких глобальных катастроф, как Чернобыль. Ведь отсутствие полноценного диалога между представителями этого сообщества, главным образом между политиками и гражданами разных государств (намек на «холодную войну»), зачастую является причиной риска, создания опасных изобретений, проведения вредоносных исследований: «Никогда, сказала я, мне не понять в полной мере того зуда, который пятьдесят лет назад... ввел в соблазн горстку высокоодаренных физиков и химиков продолжить свои опыты. Иначе, мол, это сделают другие» [6, с. 31].

Показывая пагубные последствия человеческой разобщенности на примере братьев Каина и Авеля, К. Вольф в своей повести призывает людей и правительства всего мира к единению, которое только и поможет человечеству справиться со всеми страхами, предрассудками, заблуждениями, побороть в себе разрушительное начало. Ева Кауфман пишет по этому поводу: «Ежедневные наблюдения главной героини, свидетельствующие о необыкновенном стремлении маленьких детей к дружбе и любви, позволяют противопоставить одну составляющую человеческой сущности, в основе которой лежит тяга к разрушению, другой составляющей – желанию дарить любовь. Из этого следует, что в руках самого человека то, как он распорядится этими задатками, ведь только он волен решать, проявить ли свою природу во всей полноте или же подавить ее пагубные инстинкты» [5, с. 257].

Упоминание о возникновении цивилизации в первом эпиграфе к повести (слова ученого-астрофизика Карла Сагана «Связь между убийством и изобретательством никогда не порывалась. И то и другое родом из земледелия и цивилизации») представляет собой одновременно и аллюзию на библейскую легенду о строительстве Вавилонской башни. «И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли» [Быт. 11,4]. Новое человечество, появившееся после потопа, решило построить себе город. Слово «город», опять же, указывает на связь с образованием новой цивилизации. Как известно, строительство башни этого города сопровождалось многочисленными смертями. Достижения современной цивилизации, уникальные научные изобретения также далеко не всегда приносят только пользу, более того, они требуют жертв, становятся причиной человеческих бедствий, как, например, в случае с атомным реактором в Чернобыле, который вполне сопоставим с Вавилонской башней. Причиной разрушения обоих послужил, по мнению главной героини, «тяжелый дух наглой заносчивости» [6, с. 47], к которому «господь, видимо, весьма чувствителен» [6, с. 47]. В этих словах слышится голос самого автора, который снова и снова осуждает стремление правительств разных стран к бешеной гонке за первенство в мире.

Одновременно в своей повести К. Вольф критикует народ за его социальную пассивность, нежелание думать, аполитичность: «...удовольствие, какое находит большинство людей в спокойной жизни, склонность большинства верить ораторам, возвышающимся на трибунах, и людям в белых халатах, стремление всех поддакивать и боязнь прекословить, всё это, видимо, отвечает жажде власти и высокомерию, стяжательству, беззастенчивому любопытству и самовлюбленности меньшинства» [6, с. 18]. Таким образом, населению каждой страны необходимо беспокоиться не только о собственном благополучии, но и осознавать, что любой необдуманный шаг может поставить под угрозу существование даже самого отдаленного государства, жизнь его граждан. Эта мысль выражается также посредством аллюзии на страну антиподов из сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес»: «Помнишь ли, милый брат, ту глубокую яму... куда мы... опустили пивную бутылку с соляной кислотой, которая, считали мы, способна проложить себе дорогу к антиподам? ... Мысль: а не следовало ли нам заблаговременно извиниться перед антиподами, я не смогла продумать до конца...» [6, с. 14].

По мнению российского литературоведа Т. Мотылевой, у К. Вольф тесно связаны «разные сферы ее работы – собственно художественное творчество и критика, теоретические раздумья. Одно нередко переходит в другое» [8, с. 322]. Свое отношение к писательству, писательской миссии в условиях глобальной экологической катастрофы и угрозы новых подобных трагедий К. Вольф иллюстрирует в своей «Аварии» с помощью слов немецкого драматурга и поэта XIX века (иного времени!), поистине вдохно-

вивших главную героиню. Цитируя строки из трагедии К.-Ф. Хеббеля «Гигес и его кольцо»: «Не вздумай извиняться, / Скажи лишь, как все было» [6, с. 54], – она уверяет себя в том, что писать все-таки нужно и даже необходимо. На наш взгляд, возможно, в них и находится ключ к «подлинности», «достоверности» художественного письма в понимании самой К. Вольф: писатель не имеет права приукрашивать действительность, извиняя виновных; он также не должен извиняться за свое бессилие и неспособность изобразить в произведении реальность во всей ее полноте. Сказать, «как все было», для К. Вольф означает пропустить реальность через свое сознание, почувствовав себя частью этой реальности, при этом не делать категорических выводов, а лишь позволить читателю самому задуматься над тем, что происходит в этом мире. «“Извинять” или “извиняться” – вся разница в окончании, и оттого можно, подумала я, нет, нужно все-таки вновь порадоваться языку» [6, с. 54], – рассуждает главная героиня, подчеркивая необходимость читательского поиска верных смыслов именно в подтексте, а не на поверхности.

Читатель «Аварии» должен быть особенно внимательным к авторскому тексту, в котором К. Вольф удалось отдать дань многим писателям и литературным памятникам. Не обошла она стороной и поэзию XX века, а именно творчество выдающегося немецкого поэта, драматурга и писателя Б. Брехта, произведения которого всегда совмещали в себе художественную уникальность и ангажированность. В повести «Авария» К. Вольф поэзия Б. Брехта занимает центральное место, в частности три его стихотворения: «Баллада о пиратах» и «Воспоминания о некоей Марии А.» из книги «Домашние проповеди» (1927) и «1940», входящее в сборник «Из подборки М. Штеффин» (1948).

Строки «Баллады о пиратах» читатель встречает уже в самом начале повести, где рассказывается о том, как главная героиня решает позавтракать, утешая себя тем, что сегодня ей еще крупно повезло, так как продукты, которые она собирается употребить в пищу, были куплены ранее, до рокового взрыва: «Той инстанции, что критическим взглядом окидывала все, мною съеденное, я сообщила, что яйца в моем холодильнике созрели в курином теле до аварии, выкормлены необлученной травой, необлученными зернами...» [6, с. 15]. И вот писательница задается вопросом, как долго это может продолжаться, ведь сейчас, после атомной трагедии, она вполне отдаст себе отчет, что все, что ее окружает, никогда больше не будет безупречным, чистым и доступным, как прежде. Как раз в этот момент ей вспоминается рефрен из стихотворения «Баллада о пиратах»: «лучистая лазурь небес...» [6, с. 15]. В стихотворении Б. Брехт описывал беззаботную и в то же время варварскую жизнь людей, сознательно положивших в основу своего существования принцип наслаждения, жестокость и безрассудство: «Они бесстрастно убивают / Любого – прав ли, виноват, / Их пальцы горло обвивают, / Как мачту судовой канат. / Они готовы пить на трупах, / Свалившись в воду, в море пить, / И хохотать от шуток глупых, / И небу пальчиком грозить» (пер. Романа Нудельмана) [9]. В этом смысле К. Вольф проводит параллель между образом жизни этих самых брехтовских пиратов и потребительским мировоззрением современного человека, который пытается максимально использовать то, что он имеет, бездумно преобразовывать природу для извлечения собственной выгоды, зачастую не задумываясь о возможных плачевных последствиях. Однажды пираты Б. Брехта понимают, что стоило бы остановиться, но становится слишком поздно. «Лазурь вечерняя смеется, / А рядом черная дыра» [9], – читаем мы в балладе; разбойничий корабль терпит крушение, и его «отважные» герои погибают. В свою очередь К. Вольф предупреждает, что настала пора и нам распрощаться с беззаботностью, ведь многому суждено будет измениться вследствие безответственности, даже тому, к чему человеку за столько лет удалось привыкнуть: «привычные удовольствия... Каркас, поддерживающий нашу жизнь в ее мертвые сезоны. Плоскость среза темного мекленбургского хлеба. Надрезанные зерна ржи. Когда, собственно, и каким образом откладываются нуклиды – еще одно слово, которое я как раз заучиваю, – в хлебных зернах» [6, с. 14]. Отметим также, что брехтовские строки «лучистая лазурь небес» из стихотворения «Баллада о пиратах» используются К. Вольф также с целью придать языку своего произведения предельную экспрессивность, выразительность, наделять каждую фразу глубоким подтекстом. В своей работе «С бесстрашием в сердце тьмы» (Unerschrocken ins Herz der Finsternis, 1988) Е. Кауфман отмечает эту особенность своеобразной игры словесных форм в «Аварии»: «Аура красивого (лучезарного неба, 28), гуманного (мысли – лучи, исходящие от сестры к брату) и лечебного (рентгеновские лучи, 28) – понятия с положительной коннотацией, которые крутятся вокруг слова «луч» – перечеркиваются, когда речь идет о «ядерном оружии» (в немецком языке это словосочетание содержит корень «луч») и о лучах раскаленного атомного ядра реактора» [5, с. 259]. На наш взгляд, автор подчеркивает, что «лучистая лазурь небес» – нечто радующее глаз, воодушевляющее, от эпохи к эпохе воспеваемое художниками слова разных народов, на пороге XXI века искажается, превращаясь в механизм заражения и уничтожения всего живого.

В одном из эпизодов «Аварии» мы находим также строки из стихотворения, относящегося к сборнику Б. Брехта «Из подборки М. Штеффин». Произведения к данному сборнику были написаны поэтом в период с 1937 по 1942 год во время второй мировой войны, когда он находился в эмиграции – сначала в

Дании, затем в Швеции, Финляндии, США. Брехтовское стихотворение, внезапно возникшее в сознании главной героини повести К. Вольф, имеет знаковое название «1940». В нем выражена все та боль и глубокое отчаяние, которые испытывал Б. Брехт, находившийся в то время на чужбине, по отношению к родному немецкому народу, который, поддавшись идеям нацизма, переступил через одну из сокровенных библейских заповедей «Не убий». Поэт не сдерживается от ужаса перед тем, как величайшие умы, его же современники, способствуют разрушениям и хаосу, причиняя нестерпимую боль другим народам: «Конструкторы горбятся / Над чертежами: / Одна неверная цифра, / и вражеские города / Останутся целыми» [10, с. 275]. «Матери прижимают к себе детей и растерянно вглядываются в небо – нет ли там научных изобретений» [6, с. 22], – встречаем у К. Вольф следующую цитату из этого же стихотворения. Она приводится автором в связи с раздумьями главной героини о славном украинском городе Киеве, в котором ей некогда удалось побывать, и который запомнился ей большим и светлым: «помню белые дома. Круто уходящие вниз улицы. Много зелени, деревья в цвету. Памятник павшим во второй мировой войне на холме над Днепром» [6, с. 22]. Таким образом, посредством цитации из Брехта К. Вольф как бы удаётся сопоставить два, на первый взгляд, совершенно разные, но равные по потерям, явившиеся плодами двух идеологий, события – войну и ядерный взрыв.

Несколько раз в повести К. Вольф встречаются строки из стихотворения Б. Брехта «Воспоминания о некоей Марии А.», которое, безусловно, можно отнести к любовной лирике поэта. Оно было написано Б. Брехтом в блокноте 21 февраля 1920 года в поезде по пути в Берлин (впоследствии – положено на музыку). Интересен образ облака, который по-своему обыгрывается автором в этом произведении. Как известно, облако в литературе зачастую является символом изменчивости, непостоянства мира. В стихотворении Б. Брехта оно тоже обозначает непостоянство, сиюминутность чувства, возникшего между мужчиной и женщиной в порыве страсти. У Кристи Вольф облако из «Воспоминаний о некоей Марии А.», вплетаясь в совершенно иной контекст, связанный с катастрофой на атомном реакторе, приобретает значение непосредственного переносчика радиоактивного загрязнения. Цитата из Б. Брехта: «...но облако светилось лишь мгновенья, взглянул я – ветер его унес» [6, с. 34], – дополнена следующими переживаниями главной героини: «будем надеяться. Будем надеяться, что лишь мгновения, только и подумала я, хотя песня эта из тех времен, когда облака были “молочно-белыми” и состояли из поэзии и чистого конденсированного водяного пара» [6, с. 34]. Немецкий исследователь Томас Фокс считает, что эти и многие другие строки из идиллических стихотворений о природе немецких классиков говорят об ироническом отношении К. Вольф к прасоветским настроениям, господствовавшим в 80-е годы в ГДР, Беларуси, России и на Украине, способным окрасить самую страшную и неприемлемую действительность в радужные тона [11, с. 214]. По нашему же мнению, здесь К. Вольф попыталась передать весь трагизм мироощущения людей искусства, вынужденных жить сегодня, в эпоху постоянных катаклизмов, и с трудом подбирающих тона, формы и слова для описания катастрофической реальности, которая их окружает: «а теперь, думала я, пока чистила вареный картофель, весьма любопытно, кто из поэтов первым вновь осмелится воспеть белое облако. Некое невидимое облако из совсем иного вещества взяло на себя обязанности привлекать наши чувства – совсем иные чувства. И оно, подумала я опять с тем же мрачным злорадством, затолкало белое облако поэзии в архив» [6, с. 34].

Заключение. На долю художников слова XX – начала XXI века выпала тяжелейшая задача осмысления причин и сути многочисленных трагедий, с которыми столкнулось современное человечество. Им, в отличие от писателей-предшественников, в гораздо большей степени свойственна тяга к интерпретациям творческого наследия мировой литературы. Подчеркивая непосредственную связь собственного творчества с мифами, сказками, библейскими сюжетами, художественными произведениями других авторов, К. Вольф воплощает один из основных эстетических принципов: «Проза...служит хранилищем опыта и в своем суждении о ступенях человеческого общежития исходит из оценки их созидательных сил» [12, с. 524]. На наш взгляд, именно поэтому цитатность в «чернобыльской» повести писательницы выполняет прежде всего символично-философскую и предупредительно прогностическую функции придает конкретной трагической ситуации универсальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крашенникова, Н.А. К вопросу об истории гипертекста / Н.А. Крашенникова, Е.В. Лезина // Проблемы прикладной лингвистики: сб. материалов всероссийского семинара / Пензенский гос. ун-т. – Пенза, 2002. – С. 109 – 113.
2. Фатеева, Н. Интертекстуальность / Н. Фатеева, П. Паршин // Кругосвет: энцикл. [Электронный ресурс]. – 1997. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitamy_e_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html?page=0,0. – Дата доступа: 04.03.2012.

3. Севостьянова, Н.С. Гипертекст как средство реализации межтекстовых отношений / Н.С. Севостьянова // Текст: восприятие, информация, интерпретация: сб. докл. 1-й междунар. конф. Рос. Нового ун-та. – М.: РосНОУ, 2002. – С. 289 – 299.
4. Фесенко, Э.Я. Теория литературы: учеб пособие / Э.Я. Фесенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 336 с.
5. Kaufmann, E. Unerschrocken ins Herz der Finsternis. Zu Christa Wolfs «Störfall» / E. Kaufmann // Wolf Chr. Ein Arbeitsbuch: Studien, Dokumente, Bibliographie / Herausgegeben von Angela Drescher Luchterland. – Frankfurt am Main, 1990. – S. 252 – 269.
6. Вольф, К. Авария. Хроника одного дня / К. Вольф; пер. И. Каринцевой // Иностранная литература. – М., 1987. – № 12. – С. 12 – 57.
7. Библия. Книги священного писания. Ветхого и Нового Завета. Канонические: в русском переводе с параллельными местами.
8. Мотылева, Т. О творчестве К. Вольф / Т. Мотылева // Роман – свободная форма. – М.: Сов. писатель, 1982. – С. 304 – 330.
9. Брехт, Б. Баллада о пиратах / Б. Брехт; пер. Р. Нудельмана // Литературный портал [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://stihi.ru/2012/01/13/10941>. – Дата доступа: 04.03.2012.
10. Брехт, Б. Стихотворения и рассказы / Б. Брехт; Библ. всемирной лит. Серия третья. Т. 139. – М.: Худож. лит., 1972. – 815 с.
11. Fox, T. Feministische Revisionen. Christa Wolfs Störfall / T. Fox // Spätmoderne und Postmoderne: Beiträge zur deutschsprachigen Gegenwartsliteratur; hrsg. von Paul Michael Lützeler. – Frankfurt am Main, 1991. – S. 211 – 223.
12. Вольф, К. Уроки чтения и письма / К. Вольф // Избранное. – М.: Радуга, 1979. – С. 515 – 549.

Поступила 15.04.2012

THE NATURE OF INTERTEXTUALITY IN CHRISTA WOLF'S NOVEL «ACCIDENT»

N. RIMARSHUK

The article is devoted to research of intertextuality and its role in one of the works of modern German writer Christa Wolf, well-known to readers of the former Soviet Union. The novel “Störfall. Nachrichten eines Tages” (“Accident. A Day’s News”, 1987) is of special interest to the Belarusians as it was written just after Chernobyl accident. The main character of the novel, the German writer, thinks over the consequences of technical transformations of the World around, of every person’s role and place in it. The book deals not only with Chernobyl, but also with other catastrophic ancient as well as modern events which have been worrying the mankind throughout the history being the results of men’s irresponsibility and recklessness. Among these events – The Tower of Babel Destruction, World War II, The Atomic Bombing of Hiroshima and Nagasaki and etc. It’s really possible to call the consciousness of the main character a quotation one as in her thoughts she continually addresses to widely known historic facts, myths, fairy tales, national songs, her memory continually revives “fragments” from other author’s works which makes the novel itself meaningful.